

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолженіе).

VII. Иуда—предатель. Затѣмъ мы встрѣчаемъ Иуду въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о *взятіи Господа*: Мѣ 26, 47—56 Мк 14, 43—52 Лк 22, 47—53 Ін 18, 1—11. Посредствомъ куска, даннаго Иудѣ, Господь лично указалъ на него какъ на Своего предателя только уже въ самомъ концѣ вечера, и притомъ тайно, одному Своему наперснику и любимцу Іоанну. Подѣлился ли Іоаннъ этимъ открытіемъ съ Петромъ тутъ же, во время возлежанія за вечерю, остается неизвѣстнымъ. Положеніе возлежавшихъ не было удобно для разговоровъ. Можно было, не перебивая Господа, объясняться только молчаливыми знаками. Во всякомъ случаѣ всѣ прочіе ученики были далеки отъ мысли, что предатель—Иуда Искариотъ. Это ясно изъ замѣчанія Евангелиста, что слова Господа Иудѣ: „что дѣлаешь, сдѣлай скорѣе“,—одни поняли какъ распоряженіе купить нужное къ празднику, напр. для праздничной жертвы—хагиги, начинавшей приготовляться съ полуночи, или для слѣдовавшей субботы,—а другіе—какъ приказъ не забыть о нищихъ въ такой великій праздникъ. Неизвѣстно также, какъ понялъ слова Господа самъ Иуда въ то время, когда бралъ поданный кусокъ и оставлялъ вечерю. Подозрительно и злобно настроенный, онъ могъ увидеть въ нихъ оскорбительный намекъ оставить поскорѣе комнату и избавить интимное общество отъ нежелательнаго участника. А потомъ, въ процессѣ раскаянія, эти слова, какъ и другое многое, должны были открыть предателю, что Предаваемый зналъ коварный замыселъ Своего ученика и друга и не воспрепятствовалъ злодѣянію только въ исполненіе Своего уче-

нiя „не противиться злу (Мѣ 5, 39) и „да исполнится писанiе“ или Превышнiй Совѣтъ о необходимости смерти Сына Человѣческаго для спасенiя человѣчества (Мѣ 26, 42. 53—54 Ин 18, 11 и др.).

Какъ бы то ни было, повелѣнiе Господа: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“ вполнѣ соответствовало уговору Иуды съ архiereями. Благодаря Иудѣ, они могли теперь убѣдиться въ томъ, что „Виѣанская Осанна“ была только мимолетною вспышкой революціонно настроившейся толпы, инертной и консервативной,—и что со стороны народа не будетъ серьезныхъ и активныхъ противоѣдствiй суду и казни надъ Галилейскимъ Пророкомъ. Это заставило синедристовъ измѣнить первоначальный планъ—предать Христа казни послѣ праздника (Мѣ 26, 5). Безшумно взявъ Христа въ пасхальную ночь, когда всѣ старались по возможности не оставлять до утра мѣсть праздничной вечера, синедристы рѣшили совершить казнь надъ лжемессіею на слѣдующій, первый и великій, день праздника опрѣсноковъ, торжественно и всенародно, согласно предписанiю закона „казнить смертью лжепророка на трехъ великихъ праздникахъ“ (Второз. 17, 13 Мишна Синедр. XI, 4 и Тос. у Переф. 320 и 297).

Взявъ кусокъ, а вмѣстѣ съ нимъ всецѣло отдавшись злomu сатанинскому замыслу, зачарованный мыслью о выдачѣ и казни Лжемессіи, Иуда ушелъ съ вечера. Была полночь. Луна полнымъ дискомъ (пасха у евреевъ всегда празднуется во время полнолунiя) освѣщала знакомую предателю дорогу. Ворота храма, если только запирались въ эту ночь, должны были отпираться съ полуночи, для приготовленiя торжественной праздничной жертвы (хагиги) перваго и великаго дня опрѣсноковъ (Jos. Antiq. 18, 2. 2 и Bell. 4, 4. 6 и 6, 5. 3). Храмовые сторожа вѣроятно знали Иуду, а архiereи и начальники, занятые по случаю праздника храмовыми службами, бодрствовали и навѣрно уже поджидали предателя. Иудѣ даютъ большую толпу (*ὄχλος*) архiereйскихъ стражниковъ съ мечами и кольями, а по Иоанну и отрядъ воиновъ (спиру), вооруженныхъ копьями, съ тысяченачальникомъ во главѣ (архiereи очевидно позаботились о римскихъ солдатахъ, какъ болѣе надежной охранѣ, у прокуратора Пилата). По Лукѣ идутъ сами архiereи, всѣ или нѣкоторые,—храмовые начальники и старшины народные,—а по Марку—и

книжники,—т. е. вообще члены синагога, всѣ или нѣкоторые.

Иуда зналъ мѣсто, гдѣ въ послѣднее время проводилъ Господь ночи—геосиманскій садъ на іерусалимскомъ, т. е. западномъ склонѣ Елеонской горы и нѣсколько далѣе, на вершинѣ горы—въ Виваніи (Ін 18, 2 Лк 21, 37 Мѳ 21, 17). На сей разъ Господь не дошелъ до Виваніи и остановился въ Геосиманскомъ саду (Ін 18, 1 Мѳ 26, 36 Мк 14, 32 Лк 22, 39),—не потому, конечно, чтобы раздѣлялъ раввинско-фарисейскія заботы о субботнемъ пути въ пасхальную ночь, но „душа Его была прискорбна до смерти“ и смертная тоска остановила Его для молитвеннаго подвига душевной борьбы подъ уединенной и безмолвной сѣнью геосиманскаго сада.

Вся эта толпа, при освѣщеніи факеловъ изъ горѣвшей смолы на кольяхъ и свѣтильниковъ изъ масла (и при полномъ свѣтѣ луны искусственное освѣщеніе требовалось подъ сѣнью деревъ геосиманскаго сада), предшествуемая Иудею и по его указанію, приходитъ въ геосиманскій садъ, въ то мѣсто, гдѣ Господь только что окончилъ Свою молитву и далъ тремъ Своимъ довѣреннѣйшимъ ученикамъ знакъ, что настала предназначенный часъ Его страданій (Мѳ 26, 46 и пар). И хотя отъ луны, факеловъ и свѣтильниковъ было довольно свѣтло и видно людей, но стражники не знали, кого изъ одиннадцати надлежало брать. Притомъ самъ Иуда не могъ быть увѣренъ, что непременно найдетъ Христа въ саду среди учениковъ. Поэтому онъ далъ стражѣ такой знакъ: *кого если* (этого „если“ могло и не быть, при отсутствіи Христа) *поцѣлую, Онъ это (есть), возьмите* (букв: держите, схватите) *Его*,—Мк приб: *и уведите осторожно* (ср. Дн. 16, 23). *И тотчасъ подошелъ къ Иисусу и сказалъ: здравствуй* (букв: радуйся, евр: миръ надъ тобою) *Равви (Учитель, у Мк. больш. оп. равви). И поцѣловалъ Его* (обычный способъ привѣтствія близкихъ лицъ при свиданіи). Лк. только: *и приблизился къ Иисусу поцѣловать Его* (по нѣкот. какъ Мѳ). На это Господь сказалъ ему: „*Другъ!* (ἑταῖρος, товарищъ, кто долженъ быть, считается другомъ, занимаетъ положеніе друга: ср. Мѳ. 20, 13; 22, 12, т. е. Иуда, какъ одинъ изъ двѣнадцати довѣреннѣйшихъ и ближайшихъ учениковъ Господа, какъ соучастникъ тайной вечери) *зачѣмъ пришелъ?!* Мк. оп. Лк. въ истолковательномъ видѣ: „*Иуда! цѣлованіемъ ли Сына Человѣческаго пре-*

даешь?!" *"Тогда, подойдя, наложили на Иисуса руки и взяли Его"*. Иоаннъ, опуская о поцѣлуѣ Іуды, дополняетъ синоптической разсказъ слѣдующимъ сообщеніемъ: *"Иисусъ же, въдая все грядущее на Него (что должно съ нимъ произойти), вышелъ и говоритъ имъ: кого ищите? Отвѣчали Ему: Иисуса Назорея. Говоритъ имъ: это Я. А съ ними стоялъ и Іуда, предававшій Его. И какъ сказалъ имъ: это Я, они отступили назадъ и пали наземь. И опять ихъ спросилъ: кого ищите? Они сказали: Иисуса Назорея. Отвѣчалъ Иисусъ: сказалъ Я вамъ, что это Я,—и если Меня ищите, оставьте ихъ (учениковъ) уходить, да исполнится слово, что сказалъ Онъ, что кого далъ Ты Мнѣ, не погубилъ Я изъ нихъ никого (Ин 17, 12)*. Очевидное мѣсто этого событія уже послѣ предательскаго поцѣлуя, когда стража намѣревалась, по знаку Іуды, брать Господа.

Кромѣ того Евангелисты сообщаютъ еще объ одномъ событіи, могшемъ имѣть значеніе для послѣдующаго поведенія Іуды. *"И вотъ одинъ изъ бывшихъ съ Иисусомъ, повѣствуетъ Матѳей, простерши руку, извлекъ мечъ свой и, ударивъ архіерейскаго раба, отсѣкъ его ухо"*. Тоже Мк. Нѣсколько иначе Лк: *"Видя же бывшіе съ Нимъ, что будетъ (къ чему идетъ дѣло—нѣк. оп.), сказали: Господи, не ударить ли мечемъ? И (не дождавшись отвѣта Господа) одинъ кто-то изъ нихъ ударилъ архіерейскаго раба и отсѣкъ ухо его правое"*. Иоаннъ дополняетъ такъ: *"Симонъ же Петръ, имѣя мечъ, извлекъ его и, ударилъ архіерейскаго раба и отсѣкъ его ухо правое: было же имя рабу Малхъ"*.

На это, несоотвѣтствовавшее духу Христова ученія о непротивленіи злу и насилію зломъ и насиліемъ, дѣйствіе Ап. Петра Господь сказалъ ему: *возврати мечъ свой въ мѣсто его, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ* (т. е. по ветхозавѣтному закону возмездія и языческому *ius talionis* на насиліе и зло отвѣчаютъ насиліемъ и зломъ, на мечъ—мечомъ, око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь, истребленіе первенцевъ, мщеніе до третьяго, четвертаго, даже десятаго рода,—блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы окамень). *Или думаешь, что не могу (др. чит. еще: „теперь“) умолить Отца Моего, и предоставитъ Мнѣ теперь больше (др. приб. „нежели“) двѣнадцати легионовъ (соотвѣтственно двѣнадцати апостоламъ, однимъ изъ коихъ былъ Петръ съ своимъ мечемъ) ангелозъ? Какъ же исполнятся писанія, что такъ должно быть?"* Мк

опускаеть рѣчь Господа къ Петру. Ілк такъ: „Тогда Иисусъ сказалъ: оставьте это. И, коснувшись уха, исцѣлилъ его“. Ін: „но Иисусъ сказалъ Петру: вложи мечъ въ ножны,—чашу, что далъ Мнѣ Отець, неужели Мнѣ не пить ее?“.

Послѣ сего Господь обратился къ пришедшей толпѣ съ словами: „какъ (будто) на разбойника вышли вы съ мечами и кольями взять Меня. По днямъ въ храмъ сидѣлъ я и училъ, и вы не брали Меня (Ілк приб: но вотъ теперь ваше время и власть тьмы). Сіе же все было, да исполнятся писанія пророковъ. Тогда ученики все, оставивъ Его, бѣжали“. А воины, тысяченачальникъ и слуги іудейскіе схватили Иисуса, связали Его и повели къ архіереямъ сначала къ Анану, потомъ къ Каіафѣ и въ синадріонъ, наконецъ къ Пилату.

Къ этимъ евангельскимъ повѣствованіямъ почти нечего прибавить въ разъясненіе.

Подъ гнетомъ сатанинской мысли о преданіи Лжемессіи архіереямъ Іуда какъ бы бурнымъ и неудержимымъ потокомъ несется къ концу своего злодѣйства, въ сообществѣ многочисленной толпы архіерейскихъ слугъ съ самими архіереями, начальниками, старшинами и книжниками—членами синадріона, и съ отрядомъ римскихъ солдатъ подъ начальствомъ хиліарха. Предательскій поцѣлуй и привѣтствіе Христа Іудой не были ни злорадствомъ побѣдившаго и мстящаго врага, ни тѣмъ болѣе выраженіемъ благожеланія Іуды своему бывшему Учителю. Это постоянное и уже въ привычку вошедшее привѣтствіе было только знакомъ для стражи, не болѣе. „Равви“, какъ и на тайной вечерѣ, конечно можетъ указывать на то, что Іуда, потерявшій вѣру въ Иисуса, уже не склоненъ былъ считать Его своимъ Господомъ, хотя и „Учителемъ“ онъ могъ называть Христа тогда, если не лицомъѣрно, то механически, по привычкѣ. Надо замѣтить, что еврейско-армейское *Равви* и *Раввуни* означаетъ и: *Учитель мой—διδάσκαλε*, и *Господь-Господинъ мой—κύριε*, у тогдашнихъ евреевъ это были синонимы. Но на устраненіе втораго значенія въ воззваніяхъ предателя намекаютъ Матеей и Іоаннъ. Первый ни разу не усвоеть такого воззванія другимъ ученикамъ (только Самъ Господь употребляетъ это слово въ запрещеніи ученикамъ называться этимъ титуломъ 23, 7. 8); только одному Іудѣ дважды, и на тайной вечерѣ, въ явную противоположность съ „*κύριε—Господи*“ другихъ

учениковъ (но у Мк безразлично 9, 5; 10. 51: 11, 21; 14, 45; ср. Мѳ 14, 28. 30; 17, 4; 18, 21 и *κύριος* какъ имя Бога 1, 20; 2, 15; 4, 7; 7, 21; 11, 25 (у Лк ни разу и слѣд. безразлично). У Ин какъ у Мѳ видимо различаются, такъ какъ *Ραββι* усвоется ученикомъ, повидимому, лишь въ новыхъ стадіяхъ вѣры, до 11-й главы, притомъ лицамъ усиленной вѣры: Самарянкѣ, царедворцу, разслабленному, слѣпцу, сестрамъ Лазаря, особенно Ап. Петру при исповѣданіи его въ 6, 68, между тѣмъ какъ ранѣе ученикамъ усвоется *Ραββι* въ то время, когда самарянка говоритъ *Господи*. Въ 11-й главѣ и ученики говорятъ: *Господи!* Но съ 13-й названіе *Ραββι* совсѣмъ исчезаетъ, и только Маріи Магдалинѣ усвоется *Ραββυνη* 20, 16. Въ виду того, что Іоаннъ дважды и выразительно переводитъ терминъ греческимъ *διδάσκαλος* (1, 39 и 20, 16), а не *κύριος*,—а въ 6, 68 и особенно 20, 29 послѣдній терминъ принимается за имя Божіе, мы должны думать, что и Іоаннъ, какъ и Матѳей, различаютъ термины, видя въ первомъ гораздо менѣе, чѣмъ во второмъ. Можетъ быть также здѣсь проявляется зилотское пристрастіе Искаріота къ іудизму и національному языку, между тѣмъ какъ другіе Апостолы, по примѣру Самого Христа, употребляли иногда и греческій языкъ (ср. *ἄνωθεν* Ин. 3, 3; 12, 20 сл. 28—30) и называли Христа греческими: *διδάσκαλος* и *κύριος* (ср. Дн. 21, 37. 40 и 22, 1).

VIII. Самосудъ Предателя. Уговоръ Предателя съ архіереями исполненъ. Злодѣйство совершено. Лжемессія взятъ и преданъ суду іерусалимскихъ властей. Три евангелиста—Маркъ, Лука и Іоаннъ не занимаются болѣе личностью Искаріота. Но безъ Матѳеева разсказа о гибели предателя трагедія не имѣла бы развязки и личность предателя навсегда осталась бы для историка неразрѣшенной загадкой.

Впрочемъ евангелистъ сообщаетъ только уже самый послѣдній актъ драмы, оставляя подъ завѣсою тотъ сложный психологическій путь, какимъ въ нѣсколько часовъ предатель перешелъ отъ „*радуйся, Учитель*“ и „*поцѣловалъ Его*“ до „*согрѣшилъ я, предавъ кровь невинную*“ и „*пошелъ и удавился*“.

Что же случилось?

Пробужденіе предателя отъ національнаго религіозно-политическаго кошмара и возвращеніе къ дѣйствительности здравой совѣсти и нравственнаго самосознанія.

Мы уже сказали, что „поцѣловаль Его“ и „радуйся, Равви-Учитель“ были послѣднимъ пароксизмомъ сатанинскаго кошмара, начавшагося въ Иудѣ со словъ: „я вамъ предамъ Его“. Любовно-укоризненный, полный глубокой скорби и состраданія къ трагической судьбѣ ученика голосъ Предаваемого Учителя: „другъ, зачѣмъ пришелъ?“ что въ толкованіи евангелиста Луки означало, или же было прибавлено Самимъ Христомъ: „поцѣлуемъ ли (и привѣтствіемъ) предаешь Сына Человѣческаго“ долженъ былъ послужить къ пробужденію несчастнаго предателя отъ этихъ сатанинскихъ чаръ и, возвративъ къ сознанію утерянной дѣйствительности, раздался въ его совѣсти грознымъ зовомъ къ самосуду. Страшное пробужденіе! Въ Иудѣ начался тотъ сложный и мучительный процессъ внутренняго наказанія за идейное преступленіе, что такъ неподражаемо изображенъ Достоевскимъ въ лицѣ Раскольникова.

Слова Господа Иудѣ ясно давали видѣть, что Онъ знаетъ намѣреніе предателя и значеніе его предательскихъ поцѣлuya и привѣтствія. И однакожь продолжаетъ называть предателя „другомъ“ Своимъ, но не „ученикомъ“, ибо таковымъ предатель пересталъ быть. Господь продолжаетъ любить своего врага-предателя какъ *Себя Самого*, какъ *другого Себя*, какъ *своего друга—ἑταῖρος*. Этотъ, исполненный истинно богочеловѣческой любви, отвѣтъ Господа на злодѣйскій поцѣлуй и коварное привѣтствіе измѣнника и предателя, подобно молніи, могъ мгновенно освѣтить въ потемнѣнномъ сердцѣ зачарованнаго Иуды образъ Лювеобильнаго Учителя, завѣщающаго Своимъ ученикамъ не противостоятъ злу зломъ, но воздавать за зло добромъ,—любить ближняго какъ себя самого, любить даже враговъ своихъ, благотворить дѣлающимъ зло, благословлять проклинающихъ, молиться за убійцъ и прощать ихъ,—Кроткаго и Нѣжнаго Утѣшителя, Зовущаго къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ.

И зная намѣреніе Иуды, Господь легко могъ бы уклониться отъ насилія, если бы восхотѣлъ, какъ это дѣлалъ Онъ нерѣдко прежде (Лк 4, 30 Ин. 7, 44; 8, 20. 59; 10, 39). Но Онъ, напротивъ, Самъ выходитъ къ Своимъ врагамъ и добровольно отдается въ ихъ руки, Своимъ величіемъ, по дополнительному сообщенію Іоанна, повергая ницъ предъ Собою много-

численную вооруженную толпу и властно повелѣвая ей оставить Его учениковъ.

Болѣе того: по свидѣтельству всѣхъ евангелистовъ, на предложеніе нѣкоторыхъ учениковъ защищаться мечами (Лк) и на попытку Петра къ вооруженному сопротивленію, Господь прямо даетъ имъ знать, что они продолжаютъ еще оставаться въ непониманіи духа Христова (Лк 9, 55), повелѣвая Петру вложить мечъ въ ножны, не сопротивляться насилію насиліемъ и злу зломъ. Напротивъ, исцѣленіемъ, пострадавшаго отъ антихристіанскаго поступка Петрова, слуги архіерейскаго (Лк) Господь даетъ самоличныи примѣры исполненія Своего ученія о воздаваніи врагамъ добромъ за зло. Сюда же должно присоединить, наконецъ, рѣчь Господа о двѣнадцати легіонахъ ангеловъ, о необходимости исполненія Писаній и питіи чаши, данной Сыну Отцомъ (Мѳ и Ів).

Всѣ ли эти, отмѣчаемыя евангелистами, частныя обстоятельства взятія Господа имѣли надлежащее дѣйствіе на Іуду, мы конечно не можемъ знать. Несомнѣнно то, что предъ Іуду стоялъ не укрывающійся отъ враговъ лжеучитель или трусливый соблазнитель невѣждъ, богоотступникъ и лжемессія,—а убѣжденный герой долга и мученикъ призванія, добровольно отдающійся на судъ и страданія отъ Своихъ смертельныхъ враговъ, какъ необходимая и Совѣтомъ Божественнымъ опредѣленная Жертва любви за спасеніе чело-вѣчества, да сбудутся Писанія о чашѣ, данной Отцомъ Сыну.

И сосредоточіемъ этихъ писаній служить, съ поразительною яркостью начертанный у пророка Исаи въ 53-й главѣ, полный глубокаго трагизма и неотразимой силы образъ Праведника, невинно страдающаго за грѣхи людей.

Но со всею полнотою и дѣйствительностью этотъ образъ „Крови Невинной или Правой“ долженъ былъ стать предъ взоромъ предателя только уже послѣ архіерейскаго и синадріонскаго, а можетъ быть и Пилатова, суда надъ преданнымъ Учителемъ.

Выразительное указаніе евангелиста (27, 3): „тогда Іуда, предавшій Его, увидѣвъ, что онъ осужденъ“, какъ увидимъ, предполагаетъ, что Іуда былъ свидѣтелемъ синадріонскаго суда и что этотъ судъ имѣлъ рѣшительное значеніе въ покаянномъ процессѣ предателя. Это обязываетъ насъ, хотя бы

кратко, коснуться какъ синедріонскаго суда надъ Христомъ со стороны его формально-юридической справедливости по отношенію ко Христу, такъ и личности самихъ судей.

Сравненіе описаннаго евангелистами суда надъ Христомъ у архіереевъ Анны и Каіафы и въ синедріонѣ съ требованіями древнеіудейскаго уголовнаго процесса, какъ онъ изложенъ въ специальномъ трактатѣ Мишны, Тосефты и обвѣхъ Гемаръ о Синедріонѣ, даетъ видѣть, что мы имѣемъ дѣло не съ правильнымъ и безпристрастнымъ судебнымъ процессомъ, а только съ лицѣдейною маскировкой уже ранѣе составленнаго убойнаго заговора, безъ законнаго разбирательства дѣла по существу. Уже съ давнихъ временъ въ наукѣ подробно раскрыта вся преступность этого суда, гдѣ въ однихъ лицахъ, притомъ мало цѣнившихъ начала правды и нравственности, соединились и судьи, и обвинители, и свидѣтели, и даже частію палачи. Все смѣшалось въ одну наглую шайку разбойниковъ, жаждавшую крови оказавшагося въ ея рукахъ противника и только прикрывавшуюся своимъ официальнымъ полномочіемъ.

Уголовныя дѣла, особенно же касавшіяся религіи и влекшія смертную казнь, подлежали суду Великаго Синедріона. Онъ состоялъ изъ 71 члена, въ число коихъ входили: *архіереи*, т. е. члены первосвященническихъ родовъ и можетъ быть главы священническихъ чередъ,—*книжники*, т. е. ученые богословы, законовѣды и толковники писанія,—и *старшины* изъ народа, т. е. представители знатныхъ и видныхъ родовъ и колѣвъ. Архіереи служили представителями религіи, книжники—науки, старшины—народа. Синедріонъ имѣлъ *предсдателя*—*князя*, избиравшагося самими членами синедріона на одинъ годъ, обычно изъ архіереевъ, хотя не обязательно и не всегда; онъ являлся замѣстителемъ Моисея. У него было два помощника или вице-президента: *судья* (собственно: „отецъ дома суда“) и *мудрецъ*. Кромѣ того въ составъ суда входили: *два секретаря* или *писца*, *два лектора* или исполнители судебныхъ приговоровъ, въ родѣ нашихъ судебныхъ приставовъ, *обвинители* и *защитникъ*. На судѣ присутствовали также ученики іерусалимскихъ раввиновъ, изъ коихъ пополнялся составъ синедріонскихъ книжниковъ, въ родѣ нашихъ кандидатовъ на судебныя должности. Синедріонъ засѣдалъ въ особомъ помѣщеніи „газить“, находив-

шешся во внутреннемъ дворѣ, а по субботамъ и малымъ праздникомъ въ *желъ* или *храмовой синагогъ*, но за 40 лѣтъ до разрушенія Иерусалима, съ отнятіемъ у синедріона права смертной казни безъ особаго суда и утвержденія римскимъ начальникомъ, онъ перешелъ въ помѣщеніе, находившееся въ стѣнѣ между дворами женщинъ и язычниковъ „*ханотъ*“—лавки и магазины. Засѣдавшіе располагались полукругомъ, на подобіе половины гумна, подковобразно, чтобы судьи могли смѣло смотрѣть другъ другу въ глаза. Посреди полукружности возсѣдалъ князь, направо отъ него—судья, налѣво—мудрецъ. Всѣ судьи сидѣли на коврахъ, со скрещенными ногами. На правой и лѣвой сторонѣ полукружности, въ концахъ подковы, стояли два судебныхъ писца или секретари (назывались „стоящіе“), записывавшіе слова оправдывающихъ и обвиняющихъ свидѣтелей, собиравшіе голоса судей и объявлявшіе приговоръ. Тутъ же находились и ликторы, или исполнители приговоровъ (*πρόκριτες, ἐπιδέται*). Вокругъ судей сидѣли въ три ряда „ученики“, кандидаты на освобождавшіяся мѣста членовъ синедріона. Подсудимый стоялъ предъ предсѣдателемъ, обвинители—противъ него, а направо отъ него — защитникъ. Свидѣтели вводились и тоже стояли. Время для уголовного суда назначается день: днемъ уголовный судъ долженъ начинаться и днемъ же заканчиваться, въ отличіе отъ гражданскаго, который начинается днемъ, а заканчиваться можетъ и ночью. Судебный процессъ состоялъ въ тщательномъ разслѣдованіи дѣла посредствомъ допроса свидѣтелей какъ за, такъ и противъ подсудимаго, причемъ раввинское право строго ограничиваетъ лицъ, не имѣющихъ права быть свидѣтелями: игроки предающіеся азартнымъ играмъ, ростовщики, явные законопреступники и грѣшники, занимающіеся боемъ голубей, торгующіе плодами субботняго года, обидчики и насильники (мытари) чужаго имущества, какъ и ихъ родственники восходящіе и нисходящіе по отцу и матери, и нецарвоспособные: слѣпые, глухонѣмые, безумные, рабы, женщины, малолѣтки. Въ отличіе отъ гражданскаго, уголовный процессъ начинался изслѣдованіемъ того, что служило къ оправданію подсудимаго, а не къ обвиненію. Онъ состоялъ въ возможно тщательномъ допросѣ и возможно большаго числа свидѣтелей. Свидѣтельскія показанія подвергались самому строгому

и подробному изслѣдованію: чѣмъ больше вопросовъ задавали судьи свидѣтелямъ, тѣмъ большей похвалы они заслуживали,—противорѣчившія одно другому или сами себѣ показанія считались не имѣющими силы (*обж іова Mk*). Для обвинительнаго приговора требовалось не менѣе двухъ, выдержавшихъ испытаніе на судѣ, свидѣтелей. Весь вообще уголовный процессъ направленъ къ устраненію возможности осужденія невиннаго и къ исчерпанію всѣхъ возможныхъ средствъ къ оправданію. Каждый правомочный могъ заявить въ пользу подсудимаго, и судѣ былъ обязанъ подвергнуть изслѣдованію заявленіе. Послѣ допроса свидѣтелей и подробнаго обсужденія дѣла судьями, причемъ, кромѣ защитника, каждый судья могъ говорить въ пользу подсудимаго,—секретарь или писецъ отбиралъ голоса,—составлялся и объявлялся приговоръ — обвинительный или оправдательный. Смертный приговоръ запрещается объявлять въ тотъ же день, также въ праздники и субботы, почему въ пятницу и въ канунъ праздника уголовный процессъ запрещался (Синедр. IV. 1). Но для идолослужителей и совратителей къ идолослуженію дѣлается исключеніе. По отношенію къ нимъ допускается даже свидѣтельская засада ¹⁾. Общія сужденія раввиновъ о судѣ также отличаются большею гуманностью, напримѣръ: „суди cadaго въ благопріятную сторону,—не дѣлай изъ себя стряпчаго,—когда тяжущіеся стоятъ предъ тобою, да будутъ они въ глазахъ твоихъ какъ неправые, а когда ушли отъ тебя, да будутъ они въ глазахъ твоихъ какъ правые, когда приняли на себя приговоръ,—побольше спрашивай свидѣтелей и будь остороженъ въ словахъ твоихъ, дабы изъ нихъ не научились они показывать ложное,—на трехъ предметахъ держится міръ: на истинѣ, на правосудіи и на мирѣ“. (Авотъ 1, 6. 8. 18 Переф. 4, 480—481),— „не угождай лицу великаго, по правдѣ суди ближняго“ т. е. не говори: онъ—нищій... а это—богачъ, это—знатный человекъ, не стану его унижать, дабы не видѣть его посрамленія... не давай одному говорить, сколько ему нужно, въ то время какъ другому ты говоришь: „сокращай рѣчь свою,—не давай одному стоять, а другому сидѣть... суди cadaго

¹⁾ Подробности о синедрионскомъ уголовномъ судѣ см. ниже въ особомъ приложеніи.

человѣка въ благопріятную сторону... не будь въ словахъ твоихъ къ одному мягокъ, а къ другому твердъ... если знаешь въ чью либо пользу свидѣтельство, ты не вправѣ замалчивать его (Сифра къ Лев. 19, 15—16 Переф. 4, 263—264 примѣч. Ugol. Thes. XIV, 1330—1341, отд. *кедошимъ* гл. 4),— „синадріонъ, казнящій разъ въ семь лѣтъ (седьмину), называется губителемъ (по р. Элеазару: разъ въ семьдесятъ лѣтъ),—р. Тарфонъ и р. Акиба говорятъ: если бы мы были въ синадріонѣ, то никто бы никогда не былъ казненъ, на что Раббанъ Симонъ возражаетъ: они бы этимъ размножили убійцъ въ Израилѣ“ (Маккотъ, 1, 10 Пер. 4, 332). Когда присуждали къ смерти, судьи не вкушали пищи во весь день (Вавил. Синадр. 63 *a* Gold. 7, 267, 17 — 18 и *Makkoth* 14 *b* Gold. 7, 573. 5—7),—изъ четырехъ смертныхъ казней рекомендуется выбирать самую лучшую (Гос. къ Синадр. VII, 3 Переф. 4, 285 ср. *Ketub.* 37 *b.* *Sota* 8 *b.*). По свидѣтельству Флавія, фарисеи вообще были снисходительнѣе на судѣ и въ присужденіи наказаній, чѣмъ саддукейская партія архіереевъ (Древн. 13, 10. 6 ср. 14, 9. 3—4; 16, 1. 1 *Niese* vol. III p. 206 § 294,—р. 270—272 и IV. p. 4—5 *Bell.* II, 8, 14 *Niese* § 166 p. 186).

Приблизительно и въ общихъ чертахъ такого суда надъ Христомъ могъ ждать Іуда отъ того верховнаго судилища—синадріона и отъ тѣхъ его представителей—архіереевъ, куда и кому предавалъ онъ воображаемую „кровь виновную“ лже-мессіи-обольстителя Израиля. Такими представлялись несчастному предателю, какъ и всякому простецу, судъ и судьи издали. То ли „увидѣлъ“ предатель вблизи и на дѣлѣ?

Присутствіе членовъ синадріона при самомъ взятіи Господа въ Геосиманской рошѣ даетъ видѣть, что архіереи рѣшили покончить съ Іисусомъ въ ту же ночь. Смертный приговоръ и убійство Христа были предрѣшены уже ранѣе, заочно, безъ суда (Ин 11, 53). Предстояло только оформить дѣло, хотя бы лицедѣйною пародіей суда. Поэтому судъ надъ Христомъ, вопреки обычаю и требованію раввинскаго права, производится ночью.

Сначала, по дорогѣ къ мѣсту суда въ домѣ Каіафы, бывшіе во главѣ слугъ и солдатъ синадріоналы зашли со всею толпою и взятымъ Христомъ къ эксархіерею Аннѣ или Анану, тестю тогдашняго дѣйствительнаго архіерея Каіафы. Этотъ

Анна или Ананя былъ самымъ въ то время вліятельнымъ членомъ синедріона. (Ios. C. Apion. 2, 23 Niese § 193—194 p. 81—82 усвояетъ архіерею наблюденіе за законами, судъ и наказанія). Онъ стоялъ во главѣ господствовавшей въ синедріонѣ партіи саддукейско-архіерейской. Его дворецъ находился гдѣ-либо недалеко отъ мѣста взятія Христа, на скло-нѣ Масличной горы или въ Іерусалимѣ, по дорогѣ къ храму. (ср. „домъ Ананія—Анана? архіерея„ Флав. Bell II, 17. 6 Niese p. 233 § 426). Вѣроятно онъ былъ душою и руководителемъ все-го синедріонскаго заговора противъ Христа. Къ нему и былъ сначала приведенъ Христосъ, конечно не для суда, ибо дѣло было уже рѣшено, а для удовлетворенія празднаго любопытства архіерейскаго (Ин. 18, 12—14). И дѣйствительно, вопросъ Анана Христу объ ученикахъ и объ ученіи былъ простымъ празднословіемъ стараго архіерея, уже давно знавшаго это ученіе и предавшаго за него Христа смерти. Отвѣтъ Господа обличалъ именно это лицедѣйство стараго политика и опытнаго интригана: „Я явно (смѣло) говорилъ міру, Я всегда училъ въ синагогѣ и въ храмѣ, гдѣ всѣ іудеи сходятся, и въ тайнѣ не говорилъ ничего, -- что Меня спрашиваешь? спроси слышавшихъ, чтó Я говорилъ имъ: вотъ они знаютъ, чтó говорилъ Я“. Отвѣтъ былъ настолько дерзновененъ и укоризненъ или, вѣрнѣе, самый вопросъ архіерея былъ такъ явно безцѣленъ и притворенъ, что даже слуги поняли укоризненность отвѣта Христова, тѣмъ болѣе неприятную, что она была досадно справедлива. Одинъ изъ наиболѣе нахаль-ныхъ и ревностныхъ рабовъ архіерея, послѣ этихъ словъ, ударилъ Господа по ланитѣ, сопровождая пощечину сло-вами: „такъ отвѣчаешь архіерею?“ Каковъ господинъ, таковы и слуги. Халуи—лучшіе толмачи своихъ господъ и всегда лютѣ и рьянѣе самихъ господъ относятся къ ихъ величію. Поступокъ слуги—дерзкій и безсовѣстный. Но рабъ искренно отразилъ и наивно отомстилъ за неправый гнѣвъ своего ба-рина на правую укоризну Господа (о дерзости, жестокости, и своеволіи слугъ архіерейской фамиліи Анана см Іос. Флав. Древн. 20 9, 2) Отвѣтъ Господа на это издѣвательство исполнилъ достоинъ Невинной Крови за спасеніе міра: „Ес-ли худо сказалъ Я, засвидѣтельствуй о худѣ, если же хорошо, чтó Меня бьешь?“ Характеръ этого отвѣта съ особенною ясностью выявляется сравненіемъ съ поведе-

ніемъ Ап. Павла въ подобномъ же случаѣ. Когда архіерей Ананія безъ всякаго повода приказалъ бить Апостола по рту, Апостоль не утерпѣлъ, возгорѣлся естественно-человѣческимъ гнѣвомъ и сказалъ архіерею слово бранное: „бить тебя будетъ Богъ, стѣна подмалеванная! и ты сѣлъ судить меня по закону, а противозаконно велишь меня бить!“ (Дн. 23, 2—4). Напротивъ, слѣдуя своему ученію о любви къ врагамъ и благословеніи оскорбителей, Господь кротко указываетъ неправду въ нанесенной Ему обидѣ и только вразумляетъ, хотя и укоризненно, но безъ оскорбленій¹⁾.

Сцена у Анны была какъ бы прологомъ для всего дальнѣйшаго суда синедриона. Гдѣ безъ суда уже обреченнаго на смерть желаютъ посмотрѣть только ради празднаго и пошлаго любопытства,— гдѣ притворно спрашиваютъ о томъ, что всѣ уже давно знаютъ и что никогда не скрывалось,— гдѣ оскорбляютъ, прежде чѣмъ судятъ,— пошлое любопытство судей и гнусное издѣвательство челяди вмѣсто строгаго разслѣдованія въ дѣлѣ съ смертною казнью: ясно, какого суда нужно ждать отъ такихъ судей. Послѣ отвѣта Господа на предательскій поцѣлуй и измѣнническое привѣтствіе, сцена у Анны архіерея должна была стать для пробуждавшагося Іуды второю каплею Той Крови Невинной, что предалъ онъ.

Вѣроятно не пожелавшій беспокоиться ночью изъ-за предрѣшеннаго уже дѣла, Анна отослалъ связаннаго Христа къ дѣйствительному тогдашнему архіерею Каіафѣ (Ин. 18, 12—25). Какъ зять Анны, Каіафа принадлежалъ къ одной архіерейской шайкѣ. Это тотъ самый Каіафа, что рѣшилъ убійство Христа своимъ, глубоко безнравственнымъ съ точки зрѣнія личной человѣческой морали, но вполне святымъ и необходимымъ въ дѣлѣ устройства правды Божіей среди людей: „лучше, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, а не весь народъ погибъ“, на что евангелистъ дважды указываетъ выразительно (Ин. 11, 49 сл. и 18, 14).

¹⁾ Анна въ Новомъ Заветѣ упоминается рядомъ съ Каіафою, другими архіереями и членами синедриона, всегда на первомъ мѣстѣ, очевидно какъ предсѣдатель синедриона, или по крайней мѣрѣ, какъ самый вліятельный членъ его. Лк 3, 2. Ин 18, 13 (какъ тестъ Каіафы) Дн 4, 6 и 5, 17 въ связи съ садукейскою ересью. *Архіерей*—во мнж. числѣ см. Дн. 4, 6. Іос. Фл. Bell. II, 12, 6.—14, 8.—15, 2, 4.—IV. 3, 8.

Какъ дѣйствительный архіерей, Каіафа жилъ въ архіерейскомъ помѣщеніи, находившемся среди храмовыхъ построекъ, недалеко отъ мѣста синедріонскихъ засѣданій. (Неем. 13, 4 и Лк. 22, 66, вар *ἀνῆγαγον*) Здѣсь уже „книжники, старѣйшины, всѣ архіереи и синедріонъ весь“, во главѣ съ Каіафою, (синедріонъ могли составить и собравшіеся члены въ минимальномъ числѣ двадцати трехъ), ожидали Узника для пародіи суда. Надо было торопиться, чтобы къ утру покончить судебный процессъ, рано утромъ произнести приговоръ, а днемъ покончить дѣло у Пилата и до солнечнаго захода предать Осужденнаго смертной казни въ первый великій день одного изъ трехъ великихъ праздниковъ (Мишна Синедр. XI, 4 Второз 17, 13). Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ нарушение предписаній о времени и мѣстѣ засѣданій синедріона. Въмѣсто дня—ночь, вмѣсто „ханота“ или синагоги храмовой или вообще узаконеннаго мѣста засѣданій синедріона — частная квартира Каіафы.

Не было тутъ и порядка въ засѣданіи, какой предписывается закономъ. Частный домъ конечно не былъ приспособленъ для размѣщенія членовъ синдріона въ видѣ полу-гумна, съ предсѣдателемъ, двумя его помощниками, секретарями и пр. Не видимъ и присутствія учениковъ — кандидатовъ (Ап. Павелъ, какъ ученикъ знаменитаго Гамалиила, преуспѣвавшій болѣе сверстниковъ своихъ въ изученіи закона, навѣрно бы находился въ числѣ этихъ кандидатовъ, на что однакоже не находимъ у него нигдѣ указаній). Нѣтъ и защитника у Обвиняемаго. Все даетъ видѣть, что засѣданіе шло безъ формально узаконеннаго порядка, просто какъ сходка синедріоналовъ не для суда, а для объявленія уже давно задуманнаго убійства намѣченной Жертвы.

Уголовныя дѣла, какъ мы знаемъ, наказуемыя смертю, въ отличіе отъ гражданскихъ, начинались разсмотрѣніемъ доводовъ въ пользу обвиняемаго, причѣмъ каждый могъ выступить въ защиту подсудимаго (Мишна Санг. IV, 1—2 и V, 4—5 Переф. 4, 266 сл. 276 сл. ср. Sanhedr. 40a и 32a). Во всемъ процессѣ мы не видимъ вызова такихъ свидѣтелей въ пользу Христа. Да ихъ и не могло быть, такъ какъ за признаніе Иисуса Мессіею и за свидѣтельство въ доказательство месіанства Обвиняемаго, по ранѣе уже объявленному рѣшенію синедріона (Ив. 9, 22), грозила бы смерть. Начинаютъ, напро-

тивъ, тѣмъ, что ждуть (*лже*) *свидѣтельства* (Мк *свидѣтельства*, но А и нѣк: *лжесвидѣтельства, лжесвидѣтельствъ*) и именно *противъ* Иисуса, чтобы имѣть предлогъ предать Его смерти (Мѳ. 26, 59 Мк 14, 15).

Архіерейскіе прислужники конечно были посвящены въ замыслы своихъ господъ и другъ передъ другомъ рвались выслужиться. Но ихъ рвеніе было не по разуму. Показанія давались хотя и многими, но нелѣпыя, явно лживыя и для утверженія даже предрѣшеннаго приговора недостаточныя (Мѳ 26, 60 Мк 14, 56: *καὶ ἴσασι αἱ μαρτυρίαι ὅτι ἦσαν*). По уголовному кодексу за такія лжесвидѣтельства полагалась тоже смертная казнь. Но здѣсь они сходятъ также безнаказанно, какъ и издѣвательства архіерейской челяди надъ Христомъ до суда—у Анны.

Выступаютъ наконецъ двое (Мк: нѣкоторые), слышавшіе слова Господа при изгнаніи Имъ торгашей и мѣняль изъ храма. Можетъ быть то были изъ самихъ изгнанныхъ, стоявшихъ въ торговыхъ связяхъ съ магазинами архіерейскаго дома Анны и его сыновей („*хануот-бене-Ханан*“ и „*дома купцовъ*“ вблизи ихъ) и жившихъ недалеко отъ храма и архіерейскихъ лавокъ. Они предъявили судьямъ слова Христа: „Сей сказалъ: могу разрушить храмъ Божій и чрезъ три дня его построить (Мѳ),—или Мк въ положительной формѣ: „Я разрушу храмъ сей рукотворный и чрезъ три дня другой нерукотворной построю, Д: возставлю“. (Ин 2, 13—19 Мѳ 21, 12—13 Мк 11, 15—17 Лк 18, 45). Но это свидѣтельство было лжесвидѣтельствомъ (Мк *οὐδὲ οὕτως ἦν ἰσθ* ст. 59). Христосъ говорилъ, что храмъ *сей* (іерусалимскій) разрушатъ сами *іудеи* („вы разрушите, разрушьте“....). Да и не было вины смертной въ приводимомъ лжесвидѣтельствѣ. Въ формулѣ Марка совсѣмъ нѣтъ имени Божія, также у Мѳ нѣтъ богохульства, такъ какъ названіе храма *Божіимъ* не содержитъ ничего богохульнаго. А о разрушеніи храма рѣчь въ неясной и предположительной формѣ: *могу*.... Наконецъ и самый тогдашній Иродовъ храмъ, на коемъ побываль уже языческій орель,—безъ ковчега завѣта,—не могъ считаться такою святынею, чтобы неясныя о немъ выраженія принимались за хулу на Самого Бога.

Въ числѣ другихъ многихъ лжесвидѣтельствъ навѣрно приводилось также нарушеніе Господомъ фарисейскихъ за-

повѣдей о субботѣ и другихъ подобныхъ, за что фарисеи нерѣдко обвиняли Господа. Но эти свидѣтельства также были *оъх Ісаи*. Въ синедрионѣ тогда хозяйничала архіерейская партія, державшаяся саддукейской секты. А саддукеи были яркими врагами фарисеевъ. Все, имѣвшее какую либо связь съ фарисеизмомъ, навѣрно отвергнуто было бы синедриономъ уже просто потому, что напоминало саддукеямъ ненавистную имъ секту фарисеевъ (Дн. 23, 6 сл). Притомъ фарисеи отличались строгою законностью, были снисходительны на судъ и не сочувствовали смертнымъ казнямъ (Іос. Фл. см. далѣе). Весь судъ надъ Христомъ проявляетъ саддукеевъ.

На всѣ, безнаказанно предъявлявшіяся, лжесвидѣтельства, Господь отвѣчалъ *молчаніемъ* Невинной или Неизбѣжной Жертвы. Ложь свидѣтельствъ была ясна сама собою. Это было неприятно Каиафѣ и не входило въ его коварный планъ. „И вставъ (съ судейскаго, можетъ быть предсѣдательскаго мѣста) архіерей сказалъ Ему: (что же) ничего не отвѣчаешь на то, что сіи противъ Тебя свидѣлствуютъ?“ (Мѳ Мк). „Шипящій змѣй“, уже изощрившійся въ дипломатической казуистикѣ и разныхъ крючкодѣйствахъ при обдѣльваніи своихъ дѣлишекъ, вѣроятно рассчитывалъ на то, что Обвиняемый въ спорѣ съ обвинителями какъ нибудь выйдетъ изъ себя, забудется, проговорится и скажетъ на самомъ судѣ что нибудь такое, къ чему можно бы придраться для оформленія смертнаго приговора. Въ крайнемъ случаѣ можно было даже прибѣгнуть къ лжесвидѣтельству, приписать обвиняемому чего онъ не говорилъ, перетолковать и извратить его слова. Наконецъ, подъ предлогомъ обвиненія Христа въ соблазнительствѣ къ идолопоклонству, можно бы было воспользоваться позволеніемъ закона примѣнять подставныхъ свидѣтелей, кои, изъ холопства предъ архіереями, могли бы показать все, что угодно.

Но „Иисусъ молчалъ (Мѳ) и не отвѣчалъ ничего“ (Мк), и этимъ разрушалъ всѣ коварные планы „Змѣи“.

По закону, на этомъ и долженъ былъ бы окончиться судъ. Противъ Обвиняемаго не оказалось ни одного достаточнаго свидѣтельства, даже явнаго лжесвидѣтельства. Писецъ или секретарь долженъ былъ бы отобрать голоса судей въ пользу Обвиняемаго, объявить Ему оправдательный приговоръ, и Обвиняемый немедленно освобождался отъ суда и ареста.

Но вѣдь смерть Невинной Жертвы была уже рѣшена. Во чтобы ни стало, надо было оформить смертный приговоръ. Тогда „шипящій змѣй“ нашель самое вѣрное и вмѣствъ самое дьявольское средство заставить обвиняемаго говорить. Архіерей Каіафа обратился къ Обвиняемому съ такими словами: „Заклинаю Тебя (предъ) Богомъ Живымъ, чтобы Ты намъ сказалъ: Ты ли Христось (т. е. Помазанникъ—Мессія), Сынъ Бога (др. приб: Живаго)?“ Мѡ. Мк. также, но съ разнотч: „Сынъ Благословеннаго“. Лк: „Ты ли Христось, скажи намъ“.

Замѣчательно умолчаніе о заклинаніи Богомъ Живымъ у Мк. и Лк., гдѣ отвѣтъ Господа Каіафѣ дается безъ этого или подобнаго заклинанія. Такимъ образомъ по двумъ евангелистамъ Господь даетъ отвѣтъ, а слѣдовательно и далъ бы всегда, и безъ заклинанія. Поэтому Матѡеєво „заклинаю Тебя Богомъ Живымъ“ мы обязаны понимать не въ смыслѣ торжественной присяги, а въ смыслѣ только усиленной просьбы, божбы самого Каіафа, заклятія, въ родѣ нашего: „ради Господа Бога, скажи“. Такое пониманіе словъ Каіафы у Матѡеєя требуется и безусловнымъ запрещеніемъ, излагающимся у того же евангелиста Матѡеєя, Господомъ клятвы, какъ явленія, истекающаго не отъ Бога и добра, а отъ лукаго и зла (Мѡ 5, 33—37 ср Іак 5, 12). Притомъ Каіафа не могъ бы примѣнить къ богохульнику такое средство (клятва и присяга), которое не читается самимъ богохульникомъ и только даетъ ему возможность злоупотребить въ свою пользу: хули-тель Бога безъ всякаго смущенія поклянется Богомъ для оправданія себя.

Нѣтъ, „Змѣй“ разсчитывалъ совсѣмъ на другое. Опытнымъ взглядомъ матерого интригана и искусившагося политикана онъ видитъ предъ собою человѣка безусловно честнаго, самоотверженнаго героя правды, добровольнаго мученика идеи и убѣжденій. А эти идеи и убѣжденія „шипящему змѣю“ уже давно извѣстны:—идеи правды, любви, самоотверженія. На эту-то честность и благородство Обвиняемаго и расчитанъ коварный планъ „шипящаго змѣя“, достойнаго исчадія древняго змѣя—искусителя. Каіафа знаетъ, что Обвиняемый не станетъ и не можетъ молчать на этотъ вопросъ, такъ какъ молчаніе въ данномъ случаѣ было бы равносильно отреченію отъ своего мессіанскаго призванія.

И дѣйствительно, Господь отвѣтилъ (ср. Ін 8, 55), незави-

симо отъ заклинавiя по Марку и Лукѣ,—именно потому, что вопросъ касался существа его личности и дѣла, о чемъ Онъ не могъ молчать. „Говоритъ ему Иисусъ: ты сказалъ (обычная утвердительная форма отвѣта,—т. е. да, Я—Мессія Христосъ Сынъ Бога Живаго),—болѣе говорю вамъ: отнынѣ узрите Сына Человѣческаго сидящимъ одесную Силы и грядущимъ на облакахъ неба“, Мѡ. Мк: да, Я (Мессія—Христосъ Сынъ Благословеннаго), и узрите Сына Человѣческаго одесную сидящимъ Силы и грядущимъ съ облаками неба“. У ев. Луки съ нѣкоторыми добавленiями и распространенiемъ: „сказалъ имъ: если вамъ скажу, не узрете,—если же спрошу, не отвѣтите (др. приб: и не отпустите Меня),—отнынѣ же будетъ Сынъ Человѣческiй сидящимъ одесную Силы Бога. Сказали же всѣ: итакъ, Ты—Сынъ Бога? Онъ же имъ сказалъ: вы говорите, что это—Я“.

Для „шипящей змѣи“ этого было довольно. Обвиняемый открылъ уста Свои, произнесъ нѣсколько словъ. Остальное сдѣлаетъ коварный „змѣй“, онъ вложитъ въ эти слова желанный смыслъ.

„Тогда архіерей разорвалъ одежды свои, говоря: Онъ богохульствовалъ,—что еще за надобность имѣемъ въ свидѣтеляхъ (Син. свидѣтельствахъ)? вотъ теперь слышали вы богохульство (др. приб: Его). Что вамъ кажется (думается)?“ Лука вообще о судьбахъ, такъ какъ Каіафа въ данномъ случаѣ является представителемъ и выразителемъ всего синедриона. „Они же сказали: какую еще имѣемъ въ свидѣтеляхъ надобность? Сами вотъ услышали мы отъ устъ Его“.

Итакъ, нѣсколькихъ первыхъ же словъ Господа было довольно для того, чтобы немедленно же обвинить Говорившаго въ смертной винѣ—„богохульствѣ“—*киддуфъ*. Однакожъ, если смотрѣть на отвѣтъ Христа не по существу (т. е. не имѣть въ виду того значенiя, какое соединялъ съ нимъ Самъ Господь и которое было недоступно пониманiю судей, именно ипостасное сыновство Божіе), а только съ формально юридической точки зрѣнiя самого синедрионскаго суда,—никакого богохульства въ немъ не было. „Богохульникъ, гласитъ законъ, отвѣчаетъ (подлежитъ обвиненiю) лишь тогда, если полностью назоветъ Имя“. Хотя р. Меиръ распространяетъ эту заповѣдь на всѣ имена Божіи, но по общему мнѣнiю мудрецовъ смертью наказуется только собственное имя, а за остальные имена дѣлается лишь предостереженiе (Синедр.

Мишна VII, 5 и Сифра къ Лев. 24, 15—16 Переф. 287 Ugol. Thes. XIV. 1515 и Вавил. Синедр. 60a Gold. 255 сл. Moed katan 26a Gold. 3, 763 сл. Флав. Antiq. IV. 8, 6 Ме 9, 3 и пар.). Въ словахъ Господа не было этого имени. Въ своемъ отвѣтѣ Господь только словами и образами извѣстнаго мессіанскаго видѣнія Данила (7 гл.) высказалъ, что Овъ есть тотъ Мессія—Сынъ Человѣческій и Сынъ Божій или Сынъ Вышняго, что видѣлъ пророкъ Даниилъ грядущимъ на облакахъ небесныхъ и кого предрекли пророки (ср. Псал. 2, 7; 109, 1 др), хотя Самъ Господь соединялъ съ этими именами, повторимъ, совѣмъ другой смыслъ, чѣмъ синедрионалы.

Но Каіафа усмотрѣлъ богохульство въ томъ, что Господь ставитъ Себя подъ особое покровительство Бога и называетъ Себя обѣтованнымъ Мессією, возсѣдающимъ за престоломъ Шехины и рядомъ съ Силою Бога, одесную Ея. (Ме 26, 66 ср. Sussa 52 a Gold. 3, 147, 1—8, гдѣ Пс. 2, 7 отвесено къ Мессіи).

Навыкшіе въ храмѣ къ богослужебнымъ церемоніямъ, архіереи были великіе мастера на всякаго рода помпы и эффекты предъ народомъ. И здѣсь, Каіафа занимается не столько тѣмъ, чтобы обосновать свое обвиненіе (это было для него лишне и неважно), сколько предписанной церемоніей разрыванія одеждъ при богохульствѣ. Не бѣда, что самого богохульства не было. Оно должно быть. Важнѣе произвести впечатлѣніе на присутствующихъ своимъ якобы глубоко искреннимъ негодованіемъ за погрѣше непркосновенной святыни и импозантною помпою разрыванія одеждъ (Синедр. Мишн. VII, 5 Переф. 287—288 ¹).

¹) Ср. Горайотъ III, 8 Пер. 4, 518 сл. Sanh. 60 a Gold. 7, 256 Moed katan 26 a Gold. 3, 763—769. Разумѣется обычная одежда, а не священное облаченіе, въ которомъ совершали богослуженіе въ храмѣ, но не ходили въ храмъ,—тѣмъ менѣе великолѣпныя и драгоцѣнныя первосвященническія ризы, въ коихъ первосвященникъ совершалъ богослуженіе въ три великіе праздники и въ день очищенія и кои тогда, съ 6 по 36 г. по Р. Х., хранились Римлянами въ башнѣ Антоніи и выдавалась на праздники только за семь дней (Иос. Antiq XVIII, 4, 3 и XV, 11, 4 N. IV p. 156 сл. и III p 406 сл.). Запрещеніе первосвященнику разрывать одежды относится только къ обычному трауру по покойникамъ (Лев. 10, 6 и 21, 10). Напротивъ см. 1 Макк. 2, 14 и 11, 71 Иос. Фл. Bell. II, 15, 4 N. § 322 p. 215. Примѣры разрыванія одеждъ вообще въ Библии см. Быт. 37, 34 ср Числ. 14, 6 Іов 1, 20; 2 Цар 13, 19; 4 Цар 18, 37 и 19, 1 Иса. 37, 1 Ди

На лицедѣйный вопросъ предсѣдателя послѣдовалъ притворный отвѣтъ судей: „*повиненъ смерти*“ Мѡ. по Мк: „*всѣ присудили, что онъ повиненъ смерти*“ (raschah lamuth Числ 35, 31 ср. isch moveth 1 (3) Цар. 2, 26). У Лк совсѣмъ даже нѣтъ этого приговора, но безъ всякаго формальнаго приговора, какъ уже ранѣе приговореннаго къ смерти, судьи повели Христа къ Пилату, чтобы привести въ исполненіе смертную казнь надъ Нимъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ смертный приговоръ послѣдовалъ безъ формальнаго отобранія голосовъ отъ судей, только общимъ и безымяннымъ голосованіемъ.

Однакожь предъ народомъ этотъ приговоръ нельзя было оформить до утра, ибо ночью запрещались не только приговоръ, но и самый судъ. Между тѣмъ до утра оставалось еще нѣсколько времени.

И этотъ промежутокъ „шипящій змѣй“ счумѣлъ использовать въ своихъ интересахъ. Опытному политикану было хорошо извѣстно дѣйствіе издѣвательствъ и крови на грубую толпу своихъ приспѣшниковъ. Лизнувшая крови чернь звѣрѣеть до изступленія. А это озвѣрѣніе толпы Каиафѣ нужно было для впечатлѣнія на Пилата и давленія на слабовольную совѣсть скептика-римлянина. „Тогда плевали въ лице Его, и заушали Его, и давали пощечины (пощечина, заушеніе и ударъ по лицу какъ знакъ позора см. Соф. 2, 8. Иса. 43, 28; 51, 7. Іезек. 5, 15 соотв. евр. *gidduf* и *gedufa*), говоря: прореки намъ, Христось (Мессія), кто ударилъ Тебя?“ Мѡ. „И начали нѣкоторые плевать на Него и закрывать Его лице и заушать Его и говорить Ему: прореки. И слуги пощечины Ему наносили“ Мк. У Лк: „И люди, державшіе Его, ругались надъ Нимъ и били (др. „по лицу“) и, покрывая Его (др. „лице“), спрашивали, говоря: прореки, кто ударилъ Тебя? И другое многое хульно говорили на Него“—также до утрен-

14. 14. Церемонія разрыванія одежды, по описанію Маймониды, была такая: „разрываніе дѣлается стоя, —длина разрыва—ладонь, не разрывается нижняя одежда (хитонъ—рубашка) и верхній плащъ, а остальная—всѣ, хотя бы ихъ было десять“ (у Buxtorfius'a *Lexicon Chaldaicum, Talmudicum et Rabbinicum*, col. 2146). Что видъ богослуженія и храма архіереи носили общеврейскія одежды, объ этомъ свидѣлствуютъ: Дн 23, 5—Ап. Павелъ не могъ отличить архіерея отъ другихъ синедристовъ, — и *Ios. Antq.* XVIII, 4, 3 N. § 91: выходя въ городъ, надѣвалъ *gîr idwîkîr*.

няго засѣданія синедріона, въ домѣ Каіафы. Примѣръ и начало звѣрства и поруганій подали навѣрно сами архіереи (Ср. Дн. 21, 31 и 23, 2).

Наконецъ лишь только настало утро (время утренней жертвы, около 6 часовъ, по нашему), синедристы поторопились (εὐθύς Мк) оформить приговоръ для объявленія народу, для чего собрались уже не въ домѣ Каіафы, а въ назначенномъ мѣстѣ, вѣроятно въ храмовой синагогѣ, по случаю праздника. Надо было спѣшить покончить дѣло до полудня, т. е. до праздничной жертвы (хагиги), въ которой должны были участвовать архіереи. Но по Мѣ. и Мк. тутъ уже не занимались судомъ, а лишь совѣщались (Мѣ) о томъ, чтобы умертвить Іисуса,—о средствахъ воздѣйствія на Пилата, чтобы добиться исполненія смертнаго приговора, на что культурные римляне были вообще мало склонны. „Когда же утро настало, совѣтъ составили всѣ архіереи и старшины народа на Іисуса, чтобы умертвить Его. И связавъ Его отвели и предали (др. приб: Понтію) Пилату правителю“. Мк: „и *тотчасъ* (т. е. спѣшно) утромъ (рано), совѣщаніе устроивъ, архіереи со старшинами и книжниками и *весь синедріонъ*, связавъ Іисуса, отвели и предали Пилату“. Лк: „и какъ насталь день, собрались старшины (букв: собралось старчество) народа, архіереи и книжники, и отвели Его въ синедріонъ свой (22, 66)... и вставъ все множество (собраніе синедріона со слугами) ихъ повели Его къ Пилату“ (23, 1). Ін: „Ведутъ Іисуса отъ Каіафы въ преторій, а было утро“ (18, 37).

И это совѣщаніе, какъ и приговоръ, было вопреки требованію закона: „не объявлять смертнаго приговора въ тотъ же день (т. е. въ день суда и осужденія), но ожидать слѣдующаго дня“ (Синедр. IV, 1). Въ теченіи этого срока могли быть предъявляемы самими обвиненными, судьями и другими лицами свидѣтельства и доказательства оправдательныя. Но синедріону, какъ видимъ, было не до закона. Вліятельная партія архіереевъ-саддукеевъ не отличалась гуманностью и не церемонилась съ правомъ, какъ книжники и законники изъ фарисеевъ. Къ полудню во чтобы то ни стало надо было добиться у Пилата утвержденія приговора и исполненія казни до солнечнаго захода. Лжеучитель, лжепророкъ, лжемессія долженъ быть казненъ въ праздникъ, дабы весь народъ услышалъ и убоялся и впредь не поступалъ дерзко (Синедр.

XI, 4). Поэтому немедленно по наступленіи утра синедріонъ представилъ присужденнаго къ смерти Господа римскому правителю Пилату для утвержденія и исполненія приговора.

Такъ окончился синедріонскій и архіерейскій судъ надъ Христомъ.

Отъ людей, державшихъ въ своихъ рукахъ тѣла и души народа, распорядившихся спасеніемъ и погибелью людей, владѣвшихъ ключами царства Божія и по своей волѣ раздававшихъ гнѣвъ или благоволеніе отъ Бога сынамъ Израиля,—Иуда конечно въ правѣ былъ ожидать всесторонняго и безпристрастнаго изслѣдованія дѣла, чтобы не оставалось сомнѣній въ лжемессіанствѣ Христа и въ правотѣ судей. И что же? Даже и намекъ нѣтъ на требуемое закономъ „изслѣдованіе“. Все сводится лишь къ подысканію и составленію, хотя бы даже на лжесвидѣтельствахъ основаннаго, смертнаго приговора преданному Учителю. И за отсутствіемъ такихъ лжесвидѣтельствъ прибѣгаютъ къ незаконному и безчестному самосвидѣтельству судьи или судей—о богохульствѣ, достойномъ смерти. И, навѣрно, Христа тутъ же бы умертвили чрезъ побіеніе камнями, какъ Стефана и Іакова праведнаго брата Господня, если бы въ Антоніевой башнѣ не присутствовалъ съ римскими войсками Пилатъ, ревниво оберегавшій права завоевателей римлянъ въ покоренной провинціи. Вопросъ о Мессіи совсѣмъ и не занимаетъ судей,—на судѣ у Пилата выяснилось потомъ, что они и вовсе не вѣрятъ въ Мессію, а въ Кесаря,—имъ нѣтъ дѣла до того, правъ или неправъ Обвиняемый,—имъ нужна только кровь Его—правая и невинная, все равно,—кровь, какъ политическое средство интригановъ-нигилистовъ предотвратить или усмирить народное волненіе и сохранить свои преимущества. „Развѣ не понимаете, что полезно вамъ, чтобы одинъ человекъ умеръ за народъ, а не вся нація погибнетъ“ (Ин. 11, 50). Этотъ глубоко безнравственный мотивъ руководитъ Каіафою и въ синедріонскомъ судѣ надъ Христомъ. „Шипящій змѣй“ безсовѣстно послѣдователенъ и нагло вѣрнень себя...

Насколько незаконенъ былъ описанный евангелистами синедріонскій судъ надъ Христомъ, со всею наглядностью доказывается самими іудейскими свидѣтельствами объ этомъ судѣ. Въ Вавил. Синедр. 43a Goldschm. 181, lin. 1—8, къ словамъ Мишны VI, 1: глашатай, идя впереди (ведомаго на

казнь), взываетъ и пр. въ примѣръ приводится такое сообщеніе: „Въ канунъ пасхи повѣсили Иисуса (вар. приб: Назарянина). Сорокъ дней предъ этимъ глашатай взывалъ: Онъ будетъ выведенъ для побіенія камнями, ибо онъ занимался волшебствомъ и прельстилъ Израиля и сдѣлалъ его богоотступникомъ. Кто имѣетъ что сказать въ его защиту, пусть придетъ и скажетъ. Но ничего не было представлено въ его защиту, и потому его повѣсили въ канунъ пасхи. Ула возражалъ: думаешь ли, что вообще слѣдовало искать для него защиты, если онъ былъ соблазнителемъ, о каковомъ Всемиловитый изрекъ (Второз. 13, 8 сл.): не щади его и не прикрывай его. Но по отношенію къ Иисусу (др. приб: Назарянину) было иначе, такъ какъ онъ близокъ къ царству былъ“ (т. е. происходилъ изъ царскаго рода Давидова) 1).

Да. Такъ должно бы быть по закону и практикѣ правовой. Но было не такъ, а какъ изложено нами на основаніи евангельскихъ сообщеній 2).

1) Въ Sota 47a Иисусъ называется ученикомъ Іегошуа бен-Перахи жившаго ок. 100 л. до Р. Х. Но прибавленія (къ Сиведр. 43. а) въ вариантахъ *ганноури* и слѣдующее за тѣмъ сообщеніе объ ученикахъ Его, между коими стоятъ имена Мааай—Маттеей и Фода—Фаддей, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что рѣчь здѣсь объ Иисусѣ Христѣ. А если въ Sota и др. мѣстахъ Онъ называется ученикомъ Іегошуа—бен-Перахи, то это обычныя въ талмудѣ путаница и смѣшеніе именъ, мѣстъ и эпохъ.

2) Ср. нѣсколько сходный по наглой беззаконности судъ сиведриона надъ Захаріею, сыномъ Вариса, описанный у Флавія Bell. IV, 5, 4 N. p. 390—392, когда зилоты *οἱ ἡδὴ διακειρισθέντες τὸ φοβεῖν ἀνέδην εἰρωμένοντο δικαστήρια καὶ κρίσεις... συγκαλοῦσι ἐβδομήκοντα εἰς τὸ ἱερὸν, περιθόντες δ' αὐτοῖς ὡσπερ ἐπὶ σκληρῆς σχήμα δικαστῶν ἔρημον ἔξουσίας τοῦ Ζαχαρίου κατηγοροῦν... ἦν δὲ οὔτε ἔλεγχος τις τῶν κατηγορουμένων οὔτε τεκμήριον, ἀλλ' αὐτοὶ πεπεισθαι καλῶς ἔφασαν καὶ τοῦτ' εἶναι πίστιν τῆς ἀληθείας ἤξιον...* На отвѣтную, точнѣ обвинительную, рѣчь Захаріи Зилоты стали шумѣть и едва удерживались отъ того, чтобы взять мечи, но предпочли довести до конца свои насмѣшки надъ судомъ... Но когда всѣ семьдесятъ судей единогласно постановили оправдательный приговоръ Захаріи и предпочли лучше умереть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ взять на себя вѣнцу его смерти, тогда поднялся крикъ Зилотовъ противъ отпущенія Захаріи и всѣ они негодовали на судей за то, что тѣ не понимаютъ, что имъ дана власть только въ насмѣшку, и двое наиболѣе наглыхъ, бросившись на Захарію посредникъ храма, умерщвляютъ его и, когда онъ упалъ, сопровождаютъ убійство такимъ издѣвательствомъ: „вотъ тебѣ и нашъ приговоръ и полнѣйшее оправданіе“. Возбудило Зилотовъ противъ Захаріи *τὸ λέν τένδρος μωπόληρον καὶ φιλελεύθερον*, — возможно, что онъ былъ даже христіаниномъ

Но, быть можетъ, это вопіющее беззаконіе и наглое попраніе всего божескаго и человѣческаго права явилось слѣдствіемъ политическаго фанатизма, религіознаго изувѣрства, слѣпой ревности національной и под.? Быть можетъ въ основѣ этой огульной безсовѣстности лежало что нибудь идейное, высокое, хотя бы и ложное?!

Отвѣтъ дать историческая справка о тогдашнихъ заправилахъ національно-религіозною жизнію іудейскаго народа, главенствовавшихъ и въ синедрионѣ.

Это была партія вліятельнѣйшаго архіерейскаго рода Анны или Анана, принадлежавшая къ саддукейской сектѣ. Въ этомъ—разгадка беззаконнаго суда надъ Христомъ.

Въ отличіе отъ мистико-созерцательной, высоконравственной и уединенной секты ессеевъ, не принимавшей прямого и дѣятельнаго участія въ политическихъ движеніяхъ,—двѣ другія секты—саддукейская и фарисейская боролись между собою изъ-за политическаго вліянія на народъ. Во всѣхъ отношеніяхъ это были двѣ противоположности. Фарисейская партія была народною и по своимъ задачамъ и по происхожденію своихъ сочленовъ; саддукейская партія, напротивъ, замыкалась въ небольшомъ кружкѣ старѣйшихъ, вліятельнѣйшихъ и богатѣйшихъ родовъ архіерейской аристократіи. По направленію фарисеи были прогрессистами и новаторами многихъ возрѣній и установленій, саддукеи—строгими кон-

и о немъ быть можетъ упоминается у Мѣ. 23, 35. Въ общемъ это судбище напоминаетъ синедрионскій судъ надъ Христомъ, только съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что роль архіереевъ и ихъ челяди здѣсь играютъ противники архіереевъ — Зилоты, выродки изъ фарисейства, тогда какъ на самомъ судѣ навѣрно преобладали фарисеи. Своимъ прежнимъ продолжительнымъ своевоіемъ, неуваженіемъ къ правосудію и насильничествомъ архіерей-саддукеи очевидно пріучили народъ къ этому „безстыдству убійствъ и осмѣянію судилищъ и судовъ,—къ издѣвательству до самаго конца надъ тѣмъ, что имѣло только видъ и посмѣище судилища, которому власть давалась только въ насмѣшку“. За это презрѣніе къ правосудію и своевоіе съ Закономъ со стороны тогдашняго архіерейства жесточайшую расплату пришлось потерпѣть наиболѣе яркому и типичному представителю Ананова архіерейскаго рода — Анану младшему, между многими другими насильничествами и неправдами беззаконно умертвившему Іакова праведнаго, брата Господня (Antiq. XX, 9, 1—2 Евс. Н. Е. II, 23, 1—18 ed. Hein. p. 88 сл.), Ананъ палъ отъ руки зилотскихъ союзниковъ — Идумеянъ Вел. IV, 5, 2 N. ib. 388 — 389). Такъ неправда лжетъ себѣ и сама роетъ себѣ могилу.

серваторами во всемъ, особенно въ религіи и культѣ. Между тѣмъ какъ фарисеи старались освободить религіозную совѣсть народа отъ привязанности къ храму и замѣнить это наукою и школою (синагогою),—саддукеи были всецѣло привязаны къ храму, жили богослужебнымъ обрядомъ и всемъ своимъ значеніемъ были обязаны храмовому культу. По своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ фарисеи были идеалистами и отчасти утопистами: вѣруя въ промыслъ, безсмертіе души, загробное воздаяніе и судъ, въ ангеловъ,—они пламенно ожидали избавленія Израиля отъ иноземцевъ обѣтованнымъ Царемъ—Мессією, мечтали о политическомъ господствѣ надъ всѣми народами, вели воздержную жизнь, были строгими правовѣдами, старались построить всю жизнь еврея на законѣ Моисеевомъ и правилахъ или преданіяхъ отцовъ—раввиновъ. Напротивъ, саддукеи были отъявленными матеріалистами: не вѣрили въ будущую жизнь, безсмертіе души, загробное воздаяніе, ангеловъ и Мессію. Полная неприкосновенность многочисленныхъ и разнообразныхъ привилегій была ихъ девизомъ. Доходы съ богатыхъ владѣній и лавокъ, халтура отъ храма и богослуженія служили у нихъ могущественнѣйшимъ средствомъ вліянія какъ на народъ, такъ и на его политическихъ владыкъ—римлянъ. Поэтому они, вопреки снисходительности и законмѣрности фарисеевъ, были до беспощадности жестоки ко всему, что такъ или иначе могло грозить нарушеніемъ ихъ старинныхъ привилегій и умаленіемъ ихъ установившагося авторитета среди черни. Это были узкіе эгоисты, грубые матеріалисты безъ всякаго идеализма,—люди безъ убѣжденій, надеждъ, вѣры и любви,—тупые и жестокіе въ отстаиваніи такъ выгоднаго имъ status quo во всемъ—въ жизни, ученіи, религіи. Мамона—ихъ богъ, политическое интриганство—ихъ дѣятельность, плотоугодіе—ихъ идеаль ¹⁾.

¹⁾ Ср. о сектахъ вообще у Юсифа Флавія Antiq. XIII, 5, 9 и 10, 5—6 XIV, 9, 3—4 XVI, 1, 1 XVIII, 1, 2—6 XIX, 7, 4 Vita 2 Bell. II, 8, 2—14. Въ частности о фарисеяхъ: Ant. XIII, 15, 5,—16, 1—2 XV, 1, 1,—10, 4, XVII, 2, 4 Bell. 1, 5, 2,—29, 2 II, 17, 3, — саддукеяхъ: Ant. XX, 9, 1 Bell. IV, 5, 4,—есееяхъ: XIII, 11, 2, XV, 10, 4 XVII, 13, 3 Bell. II, 20, 4. III, 2, 1, V, 4, 2 (у Филона особыя сочиненія—объ есееяхъ Quod omnis probus liber sit и ерапейтахъ De vita contemplativa). Въ Новомъ Заветѣ Мѣ 22, 15 сл. 23 сл. и 34 сл. Дн 5, 34,—23, 6 сл., вмѣстѣ съ архіереями и начальникомъ

Къ такой партіи, по жизни, характеру и воззрѣніямъ принадлежали тогдашніе вліятельнѣйшіе члены синагога, судившаго Христа, въ частности оба архіерея: экс-архіерей Анна и дѣйствительный архіерей, его зять, Каиафа.

Архіерейство того времени находилось въ полномъ распоряженіи римскихъ намѣстниковъ Сиріи. Первую роль тутъ играли деньги и политическія интриги. Смѣстивъ Іоазара, подъ предлогомъ, что онъ не поладилъ съ народомъ, римскій намѣстникъ Квиринай назначилъ на его мѣсто Анана или, какъ въ евангеліяхъ, Анну сына Сева (Іос. Древн. XVIII, 2. 1). Продолжительное сравнительно (11 лѣтъ) архіерейство Анана въ такое смутное время, при четырехъ быстро смѣнявшихся римскихъ намѣстникахъ, уже даетъ намъ видѣть въ немъ незауряднаго дѣльца и ловкаго политика. Іосифъ Флавій называетъ его „счастливейшимъ, ибо у него было пять сыновей, которые всѣ стали архіереями послѣ того, какъ онъ самъ очень продолжительное время занималъ это почетное мѣсто,—какое счастье не выпадало на долю ни одного первосвященника“ (XX. 9, 1). Только съ перемѣною императора Ананъ былъ смѣщенъ новымъ намѣстникомъ Сергіемъ Валеріемъ Гратомъ, очевидно по политической традиціи—для новаго кесаря назначать новыхъ слугъ. Но съ отставкой Ананъ не потерялъ своего вліянія, такъ какъ его преемникъ Измаилъ, сынъ Фаби, пробылъ архіереемъ очень недолгое время и на его мѣсто тѣмъ же Гратомъ былъ назначенъ сынъ Анана Елеазаръ, проархіерействовавшій одинъ только годъ (ок. 16 г. до Р.), вѣроятно по своей неспособности. Но и его преемникъ Симонъ сынъ Каміеа продержался тоже одинъ только годъ и былъ смѣщенъ, очевидно по интригамъ того же Анана, его зятемъ Каиафою (XVIII, 2, 2), при коемъ на мѣсто Валерія Грата прокураторомъ Сиріи былъ назначенъ Понтій Пилать (ср. Евс. Ц. И. 1, 10). Вѣроятно въ угоду народу, не любившему Каиафу, Вителлій смѣстилъ его, но на его мѣсто всетаки назначилъ (ок. 36 по Р.) втораго сына Ананова Іонава (XVIII. 4, 3), по-

храма, но безъ фарисеевъ Дн 4, 1 и 5, 17. Вѣроятно саддукеи были солидарны съ Продіанами (Мѡ 22, 16 Мк 3, 6 и 12, 13), приверженцами Прода, врага фарисеевъ. Есть указанія и въ древне-еврейскихъ памятникахъ (см. въ отдѣльномъ приложеніи).

томъ умерщвленнаго Феликсомъ при посредствѣ наемныхъ убійць—сикаривъ (разбойниковъ и хулигановъ, прикрывавшихся патриотизмомъ) зато, что онъ препятствовалъ его политикѣ (XX. 8, 5). Черезъ годъ онъ лишилъ его архіерейства и на его мѣсто поставилъ опять-таки его брата, третьяго сына Ананова (ок. 37 г. по Р.), Теофила (XVIII. 6, 3). Но Агриппа II смѣстилъ Теофила и передалъ архіерейство въ другой родъ—Симону или Канеерѣ сыну Боэта (XIX. 5, 2), котораго впрочемъ скоро низложилъ и хотѣлъ опять возстановить Ионаа. Такъ какъ Ионаа отказался, то Агриппа, по его совѣту, поставилъ (42—43 г.) его брата, четвертаго сына Ананова, Матею (XIX. 6, 4), также смѣщеннаго тѣмъ же Агриппою и замѣщеннаго сыномъ, прежде имъ же низложеннаго, Канееры Эліонеемъ (XIX. 8, 1). Но самую видную личность этого рода представляетъ пятый сынъ Анана, то же Анавъ Младшій, въ отличіе отъ отца, Анана Старшаго, назначенный архіереемъ на мѣсто Іосифа (съ 63 г.). По изображенію Іосифа Флавія, онъ имѣлъ крутой и жестокой характеръ, принадлежалъ къ саддукейской партіи, отличавшейся на судахъ особенною жестокостію. Воспользовавшись междувластіемъ послѣ смерти Феста и до прибытія Альбина, онъ собралъ, не имѣя на то права, синедрионъ и осудилъ на побіеніе камнями Іакова, брата Іисуса Христа (унаслѣдованная отъ отца родовая вражда ко Христу?), и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, обвинивъ ихъ въ нарушеніи законовъ, хотя усерднѣйшіе и лучшіе законовѣды, бывшіе тогда въ Іерусалимѣ (изъ фарисейской секты), отнесли къ этому приговору непріязненно и обвинили его предъ Альбиномъ въ противозаконности. Альбинъ согласился съ ними и написалъ Анаву гнѣвное письмо съ угрозою наказать его. Въ виду этого Агриппа смѣстилъ его послѣ трехмѣсячнаго архіерейства и замѣнилъ Іисусомъ Сыномъ Дамнея (XX, 9, 1). Несмотря на то, вліяніе его росло со дня на день. Дѣло въ томъ, что онъ давалъ въ ростъ деньги и постоянно умѣлъ склонять подарками Альбина и архіерея Іисуса. Приэтомъ у него были крайне испорченные слуги, кои въ обществѣ подонковъ народа (хулигановъ) отправлялись на гумна и тамъ насильно овладѣвали назначавшеюся для простыхъ священнослужителей (священниковъ и левитовъ) десятиною. А въ случаѣ сопротивленія прибѣгали къ насилію. Такъ какъ ни-

кто не могъ препятствовать этому, то и другіе архіереи дѣлали то же, что и слуги Анана. Тогда, по сообщенію Іосифа Флавія, многимъ священникамъ, для коихъ десятина представляла единственный источникъ существованія, пришлось умереть съ голода (XX. 9, 2). Благодаря своему богатству, Ананъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, такъ какъ помощью денегъ умѣлъ склонять нужныхъ людей на свою сторону (ib. 6 § 4). Затѣмъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ подавленіи зилоговъ и держитъ сторону римлянъ (Bell. II. 20, 3,—22, 1—2). Во время войны съ римлянами Ананъ, хотя и расположенный къ Іосифу Флавію, соглашается на интригу противъ него, благодаря подкупу (Vita, cap. 38—44 особ. 39). Когда появились зилоты и хотѣли вырвать архіерейство у привилегированныхъ родовъ, наслѣдственность замѣнивъ жребіемъ, Ананъ вооружилъ противъ нихъ народъ (Bell. IV. 3, 7 ср. 9—12). Съ своей стороны зилоты подозрѣвали Анана, какъ сторонника римлянъ, въ намѣреніи предать имъ городъ (IV. 4, 1). Послѣ продолжительной борьбы съ зилотами (ib. 13—14) Ананъ былъ наконецъ побѣжденъ и умерщвленъ идумеянами, коихъ зилоты призвали къ себѣ на помощь. При сообщеніи о кончинѣ Анана Іосифъ хотя и восхваляетъ его благоразуміе, настойчивость (IV, 9, 3) и самоотверженіе (IV. 5, 2), но въ Древностяхъ (XX. 9), какъ мы знаемъ, онъ говоритъ совсѣмъ иное—о его жестокости, интриганствѣ, подкупности и, въ Автобіографіи, коварствѣ противъ самого Іосифа изъ-за подкупа. Не надо забывать, что Ананъ вмѣстѣ съ Іосифомъ были сторонниками римлянъ (ср. Bell. IV. 5, 2) и оба—изъ архіерейскихъ привилегированныхъ фамилій. Поэтому въ изображеніи дурныхъ сторонъ Анана Іосифъ долженъ считаться болѣе правдивымъ, чѣмъ въ изображеніи хорошихъ.

Но дерево узнается и по его плодамъ. Въ Ананѣ младшемъ есть всѣ основанія видѣть наслѣдныя черты его отца Анана старшаго, коего вліяніе особенно сильно было въ продолжительное сравнительно архіерейство его зятя Каіафы. Для характеристики этого архіерейскаго рода можно указать еще на талмудическое сообщеніе о „лавкахъ сыновей Анана или Ханона“ („хануйот бене Ханан или Ханон“) въ изреченіи: „почему разрушены лавки (магазины — хануйот) сыновъ Анана (Ханона) за три года до (разрушенія) Іеруса-

лима (земли израильской)?—Потому что слова (дѣла) свои (интересы) они ставили выше словъ (дѣлъ) Закона“, т. е. посредствомъ особыхъ толкованій Второз. 14, 22 — 23 они освобождали свои владѣнія отъ уплаты десятиннаго налога. Такъ Ierusc. Pea 1, 6 и Sifre къ Второз. 14, 22—23 у Ugolini Thes. XV. 1163 кон. 1165 нач. ср. Schwab, Talm. de Jérus. 2, 28 и Derenb. Essai p, 468, Levy, Nenebr. u. Chald. Wtb. 2, 80. b. Но Вавил. Baba mezia 88a кон. Gold. 792, 12 — 13: „хануйот шел-бет Хино (Хини)“—лавки дома призрачія, можетъ быть Виванія (Gold),—и отвѣтъ можетъ имѣть такой смыслъ: „потому что они слова (дѣла) свои ставили въ согласіе съ словами закона“, именно точно основываясь на Второз. 14, 22—23, на словѣ „*шиш*“. (Gold). Не эти ли хануйоты разумѣются, когда говорится о перенесеніи синедриона изъ газита въ хануйоты, оттуда въ Иерусалимъ и пр. Schabb. 15a Ab. Zara 8b Rosch hasch. 31a. Иосифъ Флавій въ Bell. V. 12, 2 Niese § 506 упоминаетъ еще τὸ Ἀνάθιον τοῦ ἀρχιερέως μημίειον—памятникъ архіерея Анана, какой нибудь богатый мавзолей, мертвый и кичливый свидѣтель корыстолюбія и мамонослуженія архіерея Анана. (Ср. Antiq. XX, 10 N IV, 313—318). Характерна наконецъ жалоба на архіереевъ, ихъ родню и слугъ въ Resachim 57a Gold. 2, 524, 23—525, 4: „Есть такое преданіе: Авва Шауль говорилъ: въ Иерихонѣ находились сикоморовыя деревья и сильные люди заставили доставить ихъ имъ,—тогда владѣльцы посвятили ихъ Небу (Богу). О подобныхъ людяхъ говорилъ Авва Шауль бен—Ботниѣ отъ имени Аввы Иосифа бен—Ханина: горе мнѣ отъ фамиліи Боэоса, горе мнѣ отъ кулака ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Ханина (Анана), горе мнѣ отъ (звѣринаго) шипѣнія ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Каероса, горе мнѣ отъ трости (пера) ихъ,—горе мнѣ отъ фамиліи Ишмаэла бен—Фаби, горе мнѣ отъ кулака ихъ. Сами они были архіереями, сыновья ихъ казначеями, зятья ихъ храмовыми начальниками, а слуги ихъ били народъ палками“ (ср. Тосефту къ Менахотъ XIII, 7 Ugolini Thes. XIX, 713). Этотъ вымученный вопль раввиновъ (одинъ изъ нихъ Иерусалимлянинъ, по Тосефтѣ) правдивый историческій комментарий себѣ находитъ въ сообщеніяхъ Иосифа Флавія объ архіереяхъ этихъ родовъ, особенно объ Анаѣ младшемъ въ Antiq. XX, 9.

Въ такой атмосферѣ жило и такимъ воздухомъ дышало

тогдашнее іудейское архіейство, особенно въ родѣ Анана Политиканство и интриги, алчность наживы и торгашество, продажность, тайные и явные подкупы, насилія и грабежи при помощи хулиганскихъ подонковъ народа и своихъ негодяевъ—слугъ, лакейство предъ сильными міра сего и беззастѣнчивое угнетеніе слабыхъ, ревнивая забота о сохраненіи своего привилегированнаго положенія въ народѣ, жестокость и своеволие, вигилизмъ политическій, безвѣріе религіозное, матеріализмъ и мамонослуженіе: эти, ярко освѣщенные и выкупло выставленныя Іосифомъ Флавіемъ, черты тогдашняго іудейскаго архіерейства вполне соотвѣтствуютъ поведенію Анны и Каиафы въ судѣ какъ надъ Христомъ, такъ и надъ апостолами (Дн 4, 6; 5, 17; 7, 1. 54 сл. 23, 2; 24, 1).

Такимъ людямъ предалъ Іуда своего Учителя и такое дѣйствіе на него долженъ былъ произвести архіерейско-синедрионскій судъ надъ Христомъ.

Іуда предавалъ Учителя во имя, хотя и ложнаго, мессіанскаго идеала,—архіереи не вѣрили въ мессію и не имѣли никакихъ идеаловъ. Предатель могъ и имѣлъ всѣ права ожидать отъ синедріона разясненій относительно лжемессіанства Іисуса и несоотвѣтствія Его ученія библейско-откровенному идеалу мессіи, а архіереи только явно и нагло лицедѣйствовали для оформленія уже предрѣшеннаго убійства: преданный Іисусъ былъ для нихъ не лжемессія, а опасный только политическій демагогъ, коего надо во что бы то ни стало отшвырнуть съ дороги, какъ препятствіе для привеллигированнаго благополучія архіерейства. Въмѣсто свидѣтеля противъ лжемессіи предатель оказался простою игрушкою въ рукахъ ловкихъ интригановъ и невѣровъ. Архіереи не вѣрили ни въ мессію, ни въ націю,—ни въ Бога, ни въ правду. Мессіею ихъ былъ Кесарь, правдою—насиліе и самоволие, Богомъ—мамона, націею—они сами, выгоды и благополучіе матеріальное архіерейскаго аристократическаго и богатаго рода Анана. Издали эти владыки душъ и тѣлъ Израіля могли казаться для смертныхъ простецовъ людьми особой породы и выщечеловѣками, съ своими огромными богатствами, богослужебною помпою, дворцами и магазинами. Но вблизи и на дѣлѣ это были только „раскрашенныя стѣны“, величественныя совнѣ и каменно-безжизненныя внутри,—

или „гробы побѣленные, совнѣ кажущіеся красивыми, а внутри полные всякой пачисти и мерзости“.

Іуда прозрѣлъ теперь, Кого и кому онъ предалъ. Символическіе тридцать серебряныхъ монеть жгли руки несчастнаго злодѣя. Предавая лжемессію, Іуда надѣялся найти мессію. Вмѣсто того онъ потерялъ мессію и нашелъ „Кровь невинную и правую“. Съ потерю мессіи и религіи, предатель не потерялъ совѣсти, сознанія грѣха и ошибки, способности раскаянія.

М. Муретовъ.

(Продолженіе будетъ).
